

Если бы директор не был дураком, он бы обязательно признал эту заслугу. С этой заслугой он мог бы не только уволить учителя Сюй, но и использовать это для привлечения большего количества талантливых студентов и получения дополнительного финансирования от вышестоящих органов.

Ши Вэй уже намекал на это во время предыдущего визита руководства, и, учитывая их реакцию, они скорее всего подумали бы, что директор боится мести учителя Сюй и поэтому делает вид, что ничего не знает.

Даже если бы они догадались о правде, они бы просто замяли её и следовали бы словам Ши Вэя и директора.

Директор школы и будущий чиновник — это не те люди, ради которых стоит ссориться с учителем Сюй.

— Ты мерзавец! — Дун Сюйюань и Ши Чанцай сначала думали, что Ши Вэй неправ, но, услышав его слова, они первыми поддались гневу. Они бросились на учителя Сюй, били и царапали его, смешивая крики с плачем.

— Ты, бессердечный ублюдок! Что наш Ши Вэй тебе сделал, что ты так с ним поступил! — Дун Сюйюань, чем больше думала, тем больше расстраивалась. Сколько страданий выпало на долю её сына! Она продолжала ругаться и плакать, её удары были сильными, и она поцарапала лицо учителя Сюй в нескольких местах.

— Вот оно что! — В этот момент один из зрителей тоже бросился вперёд. — Теперь я понимаю, почему мой сын, набравший проходной балл, не получил уведомления о зачислении! Это ты всё испортил! Мерзавец! Верни моему сыну будущее!

Если бы этот сосед не вмешался, остальные просто наблюдали бы за происходящим, чтобы потом обсудить это. Но когда этот отец закричал, все начали представлять, как их собственные дети могли бы пострадать от такого человека.

Думая о том, как их сыновья и дочери могут быть испорчены таким человеком и как их собственные радости жизни могут быть разрушены, все разозлились и бросились на учителя Сюй.

Ши Вэй с удовлетворением наблюдал за происходящим во дворе. Они недавно переехали сюда, и отношения с соседями были не слишком близкими. Если бы эта сцена произошла в деревне Шицзябао, учитель Сюй не смог бы уйти оттуда целым и невредимым.

Представление закончилось только тогда, когда приехала полиция. Учитель Сюй ушёл, хромя, его лицо было в крови, а под ногтями Дун Сюйюань остались кусочки его кожи.

Хотя учитель Сюй ушёл, Дун Сюйюань и Ши Чанцай не смогли быстро успокоиться. Они обнимали Ши Вэя и плакали, говоря, что он так много страдал.

Ши Фан, младшая сестра Ши Вэя, обхватила его ноги и плакала так, что не могла выпрямиться.

Ши Вэй почувствовал головную боль, не ожидая, что наказание учителя Сюй вызовет столько горя в его семье.

— Ладно, сегодня наш счастливый день, не плачьте. Мы ещё будем есть праздничный ужин. Мама, я хочу яиц и мяса.

— Сейчас, сейчас! — Дун Сюйюань быстро встала, чтобы вымыть руки и начать готовить.

После получения уведомления о зачислении в доме Ши Вэя не прекращались визиты гостей. Соседи и старшие из деревни приходили один за другим. Днём Дун Сюйюань и Ши Чанцай уходили на работу, а Ши Вэй и Ши Фан оставались дома, чтобы принимать гостей. К счастью, такие дни длились недолго, и когда первое возбуждение прошло, всё успокоилось.

Все снова заговорили об учителе Сюй. После того как Ши Вэй разоблачил его действия, скандал разросся, и о нём узнали в нескольких соседних городах. Директор воспользовался этим, чтобы лишить учителя Сюй его должности и выгнать его.

Государственная работа называлась «железной чашкой риса», потому что, имея должность, человек не боялся потерять работу.

Но это не значило, что можно было безнаказанно делать всё, что угодно.

Прежде чем учитель Сюй смог отомстить, к нему пришли представители вышестоящих органов для беседы.

Днём его вызывали на разговоры, а ночью разгневанные родители нападали на него. Каждый день, выходя из дома, Ши Вэй слышал, что учитель Сюй снова где-то был избит.

Яньцзинский университет требовал, чтобы студенты зарегистрировались до 25-го числа. Поезд из города Саньшуй до Яньцзина шёл два дня, поэтому Ши Вэй должен был быть готов к поездке не позднее 23-го числа. Когда Ши Чанцай спросил у Дун Сюйюань деньги на билеты, Ши Вэй быстро сказал:

— Папа, помни, купи четыре билета.

Ши Чанцай испугался:

— Зачем так много?

Ши Вэй указал на себя и на Ши Фан:

— Разве я не говорил? Я хочу отвезти Фан на лечение. Где ещё можно найти лучшие больницы, чем в Яньцзине?

— Это, это... — На лицах родителей появились сомнения и нерешительность.

— Вэй, один билет стоит двадцать три с половиной юаня! — Четыре билета обошлись бы почти в сто юаней.

А если учесть, что Ши Чанцай, Дун Сюйюань и Ши Фан должны были вернуться обратно, это составило бы более ста шестидесяти юаней. Только на поездку ушло бы больше ста юаней, а если добавить расходы на проживание и лечение, то сумма была бы огромной.

— Ну и что! — Ши Вэй достал пачку денег. Часть из них он специально обменял в банке на крупные купюры, но большая часть была мелочью.

— Шестьсот юаней, которые вы мне дали, ещё не закончились. Кроме того, за эти дни мы заработали и вернули долги, так что у нас есть пятьсот юаней. — Продажа товаров с маленького трёхколесного велосипеда приносила хороший доход.

Раньше Ши Чанцай и Дун Сюйюань, толкая деревянную тележку, зарабатывали больше десяти юаней в день. После перехода на трёхколесный велосипед они смогли расширить зону продаж, и их товары стали более привлекательными. Они продавали по более высокой цене и зарабатывали больше. Уже вскоре они вернули свои первоначальные вложения.

Кроме того, гонорары Ши Вэй за статьи тоже поступали, и, незаметно для себя, они не только расплатились с долгами, но и накопили деньги.

— Но эти деньги, эти деньги...

Ши Чанцай и Дун Сюйюань смотрели на свою молчаливую дочь, которая старалась быть незаметной. Они, конечно, её любили, но, думая о возможных расходах в несколько сотен юаней, они не могли не волноваться.

За всю свою жизнь они не видели таких больших денег, и вырастить Ши Фан до этого момента было непросто.

— Брат, я не поеду в Яньцзин, — вдруг сказала девочка. — Я хочу яиц и мяса, а не в Яньцзин. Брат, поезжай один, ты уже взрослый и должен быть смелым!

— Что за чушь! — Дун Сюйюань покраснела от злости, её глаза наполнились слёзами. Она схватила дочь и шлёпнула её пару раз. — Не говори глупостей!

В их поколении предпочтение отдавалось мальчикам, и Ши Чанцай с Дун Сюйюань никогда этого не отрицали. Они тратили на Ши Фан больше, но в их сердцах Ши Вэй был важнее. Двое детей, и сказать, что они любили их одинаково, было бы неправдой.

Но дочь тоже была человеком, и они вырастили её с маленькой мышки до их пояса. Она была такой послушной и заботливой.

— Уа-а-а! — Ши Фан заплакала после шлёпков.

Услышав плач дочери, Дун Сюйюань тоже не смогла сдержать слёз.

— Отец! — Дун Сюйюань ударила кулаком по спине Ши Чанцай.

— Я не сказал, что не поеду на лечение Фан! — Ши Чанцай крикнул с покрасневшими глазами. — Откуда взять деньги! Если мы уедем, сможем ли мы заработать столько же, когда вернёмся? Сможем?

Их умения не были чем-то уникальным, и другие, немного подумав, могли бы их повторить. Сейчас, кроме чайных яиц, которые были намного лучше у них, продажи шариков из батата и жареной свинины уже не были такими успешными. Многие копировали их, предлагая цены на несколько фэнь ниже.

Только благодаря тому, что их семья носила титул «первого ученика», многие считали, что Ши Вэй достиг таких успехов благодаря их еде, поэтому прибыль всё ещё была неплохой.

— Поехали, — вдруг сказал Ши Чанцай. — Вы трое поедете, а я останусь дома и продолжу бизнес.

Ши Чанцай быстро схватил пачку денег и, не обращая внимания на остальное, направился к вокзалу.

Ши Вэй нахмурился, решив поговорить с отцом, когда тот вернётся, но Ши Чанцай был непреклонен.

Расходы четверых в Яньцзине были бы немалыми, и если один человек оставался, это позволяло экономить.

— А как насчёт безопасности мамы и Фан на обратном пути? — Дун Сюйюань была сильной женщиной, она привыкла к тяжёлой работе, но, несмотря на свою силу, она всё же была женщиной с ребёнком. В те времена, когда везде царил хаос, присутствие мужчины добавляло немного безопасности.

— Пусть мама возьмёт с собой нож, когда будет спать! — Ши Чанцай стиснул зубы.

Если бы он мог, он бы не позволил своей жене и дочери страдать, но жизнь полна невзгод и трудностей.

— Папа, я же говорил, что когда мы вернёмся, мы больше не будем заниматься этим, а найдём более выгодное дело.

<http://bllate.org/book/16388/1483931>